

Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в период кризиса

**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32
a762@rambler.ru

**Азиза Викторовна
ЯРАШЕВА**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32
baktriana@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе результатов исследования, проведенного в ряде крупных городов России, представлены основные модели инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения в условиях разворачивающегося кризиса. Показано влияние на выбор той или иной модели представлений респондентов о ситуации в банковской сфере и экономике в целом, определена природа формирующихся установок и ожиданий. Проанализированы подходы обеспеченных домохозяйств к выбору банка и вида депозита, а также готовность использовать другие способы вложения средств, включая участие в системе добровольного пенсионного страхования; отражены опыт заимствований и отношение к различным кредитным продуктам. Негативные явления в экономике и финансовой сфере с тревогой воспринимаются домохозяйствами, вызывая параллели с кризисами 1998 г. и 2008 г. и даже с эпохой 1990-х. В ближайшее время все ожидают усугубления рецессии. При этом респонденты, акцентирующие внимание на эффекте санкций и снижении нефтяных цен, полагают, что она будет недолгой. Другие респонденты, обеспокоенные степенью деиндустриализации и неэффективности госуправления, прогнозируют длительное экономическое неблагополучие. Большинство опрошенных ожидают потрясений в

банковской сфере, причем половина полагает, что они будут масштабными и окажут значительное негативное воздействие на экономику. Как и до кризиса, данная доходная группа предпочитает сберегать, а не инвестировать, исключения — вложения в недвижимость либо собственный бизнес. Предпочтительная форма сбережений — рублевые депозиты в крупных российских банках в пределах сумм, предусмотренных системой страхования вкладов.

Ключевые слова: экономический кризис; банковская система; высокодоходные группы; сбережения; инвестиции; депозиты; кредиты; пенсионные накопления.

Как в периоды экономического роста, так и в эпоху кризисов трансформация финансового поведения населения привлекает внимание ученых — экономистов, социологов, психологов. Нобелевские лауреаты по экономике Дж. Акерлоф (2001), Д. Канеман (2002), Р. Шиллер (2013) получили мировое признание за исследование совокупности различных факторов, влияющих на формирование мотивов поведения людей и принятия ими решений в финансовой сфере [18; 19]. В нашей стране высокую научно-практическую значимость приобрели исследования, связанные с выявлением доминирующих факторов сбережений домашних хозяйств, мотивов трансформации сбережений в инвестиции, а также с уровнем доверия населения банковской и в целом финансовой системе [6; 8, 13]. Регулярные социологические исследования проводит российское Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) [15]. В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) еще два десятилетия назад начали активно разрабатываться актуальные вопросы, касающиеся детерминант финансового поведения россиян как в масштабах всей страны, так и в разрезе регионов и социально-доходных групп [1; 2; 11]. Так, в результате исследования сбережений населения по репрезентативной для России выборке было выявлено наличие значительного объема неорганизованных сбережений (в рублях и валюте), сконцентрированных у 2% очень

богатых людей [9]. Основной проблемой превращения этих сбережений в инвестиции было преодоление глубокого недоверия владельцев сбережений к устойчивости политической ситуации и надежности российской финансово-банковской системы.

В настоящее время в ИСЭПН РАН такие исследования продолжаются, и в первую очередь они касаются изменений в финансовом поведении россиян с учетом углубляющейся дифференциации в уровне доходов жителей различных городов и регионов [3; 4; 17], что напрямую влияет на принятие ими финансовых решений.

Инвестиционно-сберегательное поведение населения традиционно вызывает научный и практический интерес, поскольку дает представление сразу о многом: о распределении доходов, потенциальных ресурсах кредитования экономики, доверии населения к банковской системе, национальной валюте, фондовому рынку, пенсионной системе и, в конечном итоге, к выступающему всеобщим регулятором государству. Дополнительную актуальность анализу внутренних источников инвестирования экономики России придает нынешняя ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, действием введенных в 2014 году западных санкций, лишивших российские хозяйствующие субъекты доступа к долгосрочным заимствованиям на внешних финансовых рынках и существенно сокративших деловые контакты с потенциальными зарубежными инвесто-

рами, а с другой стороны, непрекращающимся оттоком капитала за рубеж, а также «внутренним бегством» капитала при переводе рублей в иностранную валюту. Масштабы оттока капитала из России измеряются сотнями миллиардов долларов (в 2014 г. чистый вывоз капитала составил 154,1 млрд. долларов, за 11 месяцев 2015 г. – 53 млрд. долларов [14]), и пока что дискуссии относительно введения ограничений на трансграничный переток капитала заканчиваются победой сторонников отказа от серьезного валютного регулирования. Что касается целесообразности внешних заимствований и надежд на иностранные инвестиции, то эти вопросы также более чем дискуссионные. Во всяком случае, двадцатилетняя экономическая история постсоветской России свидетельствует о слабом притоке прямых инвестиций и их заметной избирательности (преимущественно – в ТЭК), что не всегда совпадает с интересами долгосрочного развития страны. Нарастание же внешнего долга, пусть и корпоративного, тоже весьма нежелательно: во-первых, в случае возникновения сложностей с выплатой задолженности предприятиями, имеющими для страны стратегическое значение, бремя решения проблем, так или иначе, берет на себя государство – что мы в последнее время и наблюдаем; во-вторых, условия предоставления займов зарубежными финансово-кредитными учреждениями таковы, что стимулируют российских корпоративных заемщиков к переводу активов в иностранную юрисдикцию [5]. Таким образом, более адекватным как с экономической, так и с геополитической точки зрения оказывается расчет на внутренние источники кредитования экономики.

В данном исследовании предметом изучения стало инвестиционно-сберегательное поведение высокодоходных групп на-

селения. Очевидно, что как потенциальный инвестор этот слой представляет особый интерес. В силу отсутствия адекватной политики доходов возможностью аккумулировать средства, достаточные для того, чтобы квалифицироваться как сбережения, обладает лишь весьма небольшая часть россиян. Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на IV квартал 2014 года сбережениями обладали 32% жителей России – пропорция, характерная и для предшествующего периода [12]. И, судя по всему, кризисные явления, остро проявившиеся в течение последнего года, приводят к дальнейшему сокращению доли домохозяйств, имеющих возможность сберегать. Так, согласно опубликованному в декабре 2015 г. докладу центра макроэкономического анализа Альфа-банка, в нынешнем году норма сбережений продолжила снижение (до 10% с 13% в 2014 году и с 15% в 2013 году) и стала минимальной за десятилетие, прошедшее с 2006 года. То есть сегодня норма сбережения ниже, чем во время кризиса 2009 года, когда она опустилась до 13% [7]. Аналогичную картину рисуют специалисты Национального агентства финансовых исследований: по их данным, реальными сбережениями располагает порядка 35% граждан (еще у 42% респондентов размер «сбережений» таков, что в случае потери заработка этих средств хватит, чтобы продержаться неделю, максимум – месяц) [10].

Исследование инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения, о котором далее пойдет речь, было реализовано сотрудниками ИСЭПН РАН¹ по заказу Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» в декабре 2014 года в восьми определенных Заказчиком крупных городах России: Воронеже, Екатеринбурге, Казани,

¹ Руководитель проекта – д.э.н. О.А.Александрова.

Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Санкт-Петербурге. В соответствии с используемой Агентством методикой к высокодоходным были отнесены респонденты с доходом на душу в домохозяйстве не ниже 70 тысяч рублей; другим требованием к респондентам было наличие у них банковского вклада. С учетом того, что, опираясь на данные Росстата, исследовательская группа «Ромир» относит к среднему классу в Москве семьи с доходом 30–45 тыс. руб. на члена домохозяйства, а в России в целом – 20–35 тыс. руб. [16], можно сказать, что в нашем исследовании речь идет о представителях т.н. «upper middle» и социальных страт, занимающих еще более высокое положение на шкале доходов.

В качестве метода социологического исследования было выбрано проведение серии глубинных структурированных интервью. Во-первых, при количественных исследованиях действительно высокодоходные группы населения, как правило, оказываются недоступными. Отметим, что и в рамках настоящего исследования найти, особенно в регионах, состоятельных респондентов, готовых общаться на весьма деликатные темы, касающиеся сбережений, было весьма непросто. Во-вторых, и сама проблематика, и экономический контекст, на фоне которого проходило исследование (нарастание кризисных явлений в экономике, участвовавший отзыв лицензий у банковских структур, резкая девальвация рубля осенью 2014 г.), требовали обстоятельного разговора.

Сценарий интервью предусматривал десять блоков вопросов, направленных на выявление приоритетов и типичных моделей инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения, а также основных детерминант, формирующих те или иные модели; оснований выбора банка и вида банковского депозита,

готовности использовать другие способы вложения средств; опыта заимствований и отношения к тем или иным кредитным продуктам; информированности о системе добровольного пенсионного обеспечения и отношения к участию в ней. Фиксировался и социально-демографический портрет респондентов (возраст, пол, уровень и профиль образования, род занятий и должностной статус, семейное положение, наличие и возраст иждивенцев). Хотя качественное исследование и не нацелено на установление каких-либо значимых корреляций, тем не менее эти характеристики весьма существенны для интерпретации высказываний конкретных респондентов и в ряде случаев могут быть аппроксимированы на аналогичные ситуации.

Практически все участники опроса², возраст которых находился в интервале от 28 до 77 лет, имеют высшее образование, а их род занятий связан с бизнесом, страховыми услугами, преподавательской деятельностью, СМИ, работой в государственном и негосударственном пенсионном фондах, биржевой деятельностью и т.д.

Стартовало интервью с блока вопросов, касающихся оценки респондентами складывающейся социально-экономической ситуации и прогноза ее развития. Очевидно, что именно ожидания относительно вероятности реализации тех или иных сценариев развития событий в стране и мире, определяя горизонты планирования домохозяйств и формируя их представления о степени собственной свободы маневра, в существенной степени детерминируют и модели инвестиционно-сберегательного поведения.

² Всего было опрошено 32 респондента, при этом в Москве и Санкт-Петербурге число опрошенных составляло, соответственно, 8 и 5 человек. Численность респондентов в каждом из городов определялась Заказчиком.

С учетом наблюдавшихся в 2014 г. кризисных явлений, отражающихся как в объективных показателях (рост инфляции, скачки курса рубля, снижение цен на основные экспортные товары; усиление признаков рецессии в реальном секторе экономики и др.), так и в событиях субъективного плана — пессимистических высказываниях представителей социально-экономического блока Правительства и Центрального банка страны; озвученных в СМИ неблагоприятных прогнозах развития экономики России со стороны международных институтов (МВФ, рейтинговых агентств и т.п.), требовалось прояснить представления респондентов относительно:

- серьезности негативных явлений в экономике, их природы и степени долгосрочности;

- способности структур управления, определяющих экономическую политику, адекватно реагировать на текущие и новые вызовы, удерживать ситуацию в приемлемых рамках;

- вероятности использования государством на фоне кризиса ранее не практиковавшихся мер, способных ограничить маневр при распоряжении накоплениями (например, введение ограничений на операции с валютой, на вывоз капитала) либо достаточно чувствительно сказаться на самом уровне доходов представителей высокодоходных групп (например, введение прогрессивной шкалы НДФЛ; повышение ставки налога на дивиденды; отмена регрессивной шкалы для взносов во внебюджетные фонды; усиление прогрессии при налогообложении имущества; расширение объектов, подпадающих под действие налога на роскошь и т.п.);

- вероятности возникновения форс-мажорных ситуаций вроде замораживания государством вкладов (части вкладов) и т.п.

Помимо выяснения того, как респонденты квалифицируют сложившееся в стране социально-экономическое положение и прогнозируют дальнейший ход событий, требовалось также узнать:

- чем, прежде всего, определяется то или иное видение ситуации (макроэкономическими показателями и тенденциями; ситуацией в отрасли либо на предприятии/в организации респондента; экспертным мнением);

- каков круг источников информации, опираясь на которые респондент вырабатывает собственное мнение. Очевидно, что среди них могут быть собственные изыскания (самостоятельный анализ макроэкономической статистики; биржевых сводок; нормативно-правовых документов, определяющих кредитно-финансовую, бюджетно-налоговую политику государства и т.п.); информация СМИ (в этом случае необходимо было выяснить, в каких СМИ, включая интернет-ресурсы, респонденты черпают, по их мнению, наиболее объективную и квалифицированно поданную информацию); экспертное мнение (в этом случае важно было выяснить, оценки и прогнозы каких именно экспертов являются для респондентов наиболее авторитетными).

Еще один блок вопросов был нацелен на получение информации, позволяющей судить об оценке представителями высокодоходных групп населения общего состояния банковской системы России. Исходя из предположения, что подобная оценка формируется на основе рефлексии предшествующего опыта, оценки текущего положения и прожективных представлений, респондентам было задано три группы вопросов, касающихся, соответственно, оценки настоящего, прошлого и будущего банковской системы.

После первых двух блоков вопросов, направленных, по сути, на изучение формирующего экономического поведения домохозяйств институционального контекста, следовали остальные, призванные выявить типичные модели инвестиционно-сберегательного поведения и произвести необходимую детализацию тех или иных аспектов. В частности, последовательно выяснялось: на что в большей степени ориентируются респонденты — на текущее потребление или на сбережение/инвестирование; при аккумулировании средств, какая стратегия больше свойственна — сбережение или инвестирование; при наличии инвестиционной стратегии, как именно, через какие инструменты она реализуется; каковы основные инструменты сбережения и т.д.

Остановимся на ряде важных результатов, полученных в ходе проведенного исследования.

Случившиеся в 2014 году негативные события в финансово-экономической сфере, прежде всего резкое падение курса национальной валюты и рост инфляции, вынуждают респондентов негативно оценивать текущую экономическую ситуацию («плохая», «напряженная», «тревожная», «нестабильная», «тяжелая» и т.п.), хотя и с разной степенью категоричности и пессимизма:

«Экономическая ситуация? Нецензурно нельзя выразиться? В преддверии кризиса» (начальник отдела маркетинга, 31 год, Воронеж);

«Мы уже даже не в начальной стадии кризиса. Экономическая обстановка крайне нестабильная» (зам. директора филиала негосударственного пенсионного фонда, 33 года, Ростов-на-Дону);

«На самом деле, пока еще все не так страшно, бывало и хуже — например, в 90-х. Оцениваю это по моей потребительской

способности, по получаемым доходам, по работе» (индивидуальный предприниматель, 38 лет, Нижний Новгород);

«По тому, как ведут себя мои инвесторы, по динамике макроэкономических показателей вижу, что ситуация достаточно сложная, напряженная, с тенденцией к ухудшению. Но не «все пропало». Это не дефолт, и с голоду не умрем. Есть люди, которые считают, что вообще — война, голод. У меня нет панических настроений» (управляющий активами на фондовом рынке, 31 год, Воронеж).

Ряд респондентов сравнивает нынешнюю ситуацию с кризисами 1998 и 2008 гг. либо с началом — серединой 1990-х годов:

«В стране кризис, спад. Уровень заработной платы остался прежним. Растет резко уровень цен. Люди уже не успевают за ними угнаться. Опять падает жизненный уровень. Напоминает кризис 1998 года» (гл. бухгалтер, 39 лет, Краснодар);

«Ситуация «затишья перед бурей». Основываюсь на собственном опыте — я из тех, кто получил образование в 1992 г. и уже несколько раз видел, как менялась ситуация: от карточной системы до свободного развития дикого капитализма, когда мы начали жить немного лучше. Сейчас мы возвращаемся к тому, что было 15–20 лет назад. На работе — оптимизация, в отраслях экономики людей сокращают, растет курс доллара. Это еще не кризис, но все говорит о том, что скоро он будет» (руководитель департамента отделения ПФ РФ, 44 года, Ростов-на-Дону);

«Моя оценка? Кризис. Думаю, такой же, как в 2008 году» (гл. бухгалтер, 37 лет, Краснодар).

При этом если одна часть респондентов основывает свои оценки прежде всего на самых последних событиях, таких как девальвация рубля, рост инфляции, и объ-

ясняет происходящее причинами, звучащими в СМИ (санкции, неудачная нефтяная конъюнктура, общемировой кризис), другая часть — еще и на фиксируемых ими негативных тенденциях в течение последнего года или даже двух лет (отсутствие роста заработной платы, сокращение персонала на своем предприятии, снижение платежеспособного спроса на свою продукцию и т.п.):

«Тяжелая ситуация. Вижу по своей работе: падение объемов строительства в связи с тем, что рынок нового жилья застопорился и продажи упали» (коммерческий директор строительной компании, 50 лет, Екатеринбург);

«Ситуация «на троечку», нестабильная. Все предприятия нашего города переживают некоторые временные трудности. Очень тяжело с выплатой зарплаты, с закупкой товара. Обороты — все расшатано, нарушено. Санкции, война на Украине очень сказались на металлургическом производстве, на строительстве, на автомобилестроении» (гл. бухгалтер, 37 лет, Ростов-на-Дону);

«У нас на предприятии 70% комплектующих приобретается за рубежом. И соотношение «рубль — доллар» ничего радостного не сулит. Инфляция — надо как-то людям повышать зарплату, для этого надо, чтобы была клиентура. При нынешней финансовой ситуации покупателей можно считать на пальцах одной руки. Заказы минимальные: при общем снижении бюджетов городов на транспорт остается немного денег» (директор предприятия, 71 год, Санкт-Петербург);

«Если зарплату не поднимают уже два года и не происходит индексация, а, наоборот, происходит сокращение персонала в значимых отраслях, то и так все понятно» (руководитель департамента ПФ РФ, 44 года, Ростов-на-Дону);

«Ситуация оставляет желать лучшего. Оцениваю это и по росту цен, и по ситуации в компании — процент сокращаемых растет на глаза» (руководитель проекта в страховой компании, 28 лет, Москва).

А третья группа респондентов акцентирует внимание на сложившемся в России неэффективном типе экономики (непроизводительная, критически зависимая от внешнеэкономической конъюнктуры и т.п.) и недостаточном качестве государственного управления:

«Страна — большая бензоколонка. И если нефть дешевеет, то жить плохо. И так будет до тех пор, пока наши чудо-деятели не начнут думать головой — о народе, о социальной политике, именно о внутренней политике, экономике, а не только о внешней политике и прочем» (бизнесмен, 38 лет, Нижний Новгород);

«Много факторов, заставляющих смотреть на ситуацию пессимистично. Это и сырьевая зависимость: снижение котировок на углеводороды влияет на экономику в целом. Как таковое производство у нас развито только в военном секторе, в гражданском много пробелов, поэтому мы очень зависим от того, что продаем» (ген. директор предприятия, 38 лет, Санкт-Петербург).

«С экономикой полное безобразие. Главное — это коррупция, чего ни коснись — везде на что-то натыкаешься, весь бизнес основан на передаче чего-то кому-то» (старший брокер, 39 лет, Воронеж).

«Что меня смущает: мы топчемся, мы слишком сильно обюрократились. Я по своей работе ощущаю — у меня нет времени на то, чтобы думать, как говорят, об устройстве вселенной. Я пишу отчеты, пишу заявки, пишу планы, причем эти отчеты — все более формализованные, исчезает суть, какая-то бессмысленная работа» (зав. кафедрой в вузе, 65 лет, Казань).

Основными источниками информации о состоянии российской экономики и прогнозах ее развития, помимо собственных наблюдений за повседневной реальностью, для респондентов являются новостные программы, канал «РБК», печатные деловые издания, а также Интернет, выступающий в качестве одного из наиболее информативных и заслуживающих доверия каналов. При возможности респонденты стараются сверять информацию, имеющуюся в российском информационном пространстве, с зарубежными источниками. При этом респонденты пытаются анализировать информацию в совокупности, вырабатывая свое собственное мнение и не доверяя чьим-либо прогнозам. Еще одним источником информации для ряда респондентов является общение с «информированными людьми», однако надежность подобного источника ограничена, поскольку критически важные решения в стране, по мнению респондентов, принимает очень узкий круг лиц.

Практически все респонденты ожидали, что и предстоящий 2015 год будет характеризоваться серьезными проблемами в экономике, связанными со спадом деловой активности и общим снижением уровня жизни населения. При этом в отношении прогнозов развития экономики на более отдаленную перспективу респонденты разделились на две группы. Одна часть респондентов считает нынешнее экономическое неблагополучие достаточно краткосрочным и преходящим и отводит на его преодоление 1–2 года. В своих прогнозах эти респонденты чаще ссылаются на санкции, цены на нефть и иные факторы временного и волюнтаристского характера:

«Не вижу почвы для долгосрочных проблем. Как бы санкции ни давили, пока альтернативы России как источника нефти и газа нет. Есть возможность частичной за-

мены импорта и перенаправления импорта с Южной Америки, с близлежащих стран» (экономист, 30 лет, Москва);

«В течение года могут быть проблемы. Через год, если доллар не вернется к своей стоимости, то повысится зарплата, повысятся цены, но мы придем к более-менее стабильному состоянию» (гл. бухгалтер, 37 лет, Краснодар);

«Думаю, это года на два. И что-то надо изменить в экономике. Без серьезных изменений из кризиса не выйти» (менеджер, 41 год, Москва);

«Текущие проблемы займут от нескольких месяцев до, в худшем варианте, нескольких лет» (управляющий активами на фондовом рынке, 31 год, Воронеж).

Другая часть респондентов полагает, что в силу накопившихся проблем, и прежде всего степени деиндустриализации экономики, выход из нынешней ситуации с гарантией от ее возвращения требует гораздо большего времени (десятилетия) и усилий. В этой группе респондентов тема необходимости серьезного изменения вектора развития экономики — с зависимого сырьевого на относительно самодостаточный производительный — звучала особенно отчетливо. В то же время далеко не у всех респондентов из этой группы есть уверенность в том, что структуры государственного управления извлекут из нынешнего кризиса необходимые уроки:

«Если резервов хватит и достаточно быстро переориентируемся на внутреннее потребление, начнем развивать промышленность, то есть вероятность, что будет не сильно плохо. И еще если произойдут структурные кадровые изменения — сейчас административный аппарат самый большой за всю историю государства. Если будет реализовываться адекватная политика, тогда со всем можно справиться, а если нет — дальше может не повезти» (ген. директор, 38 лет,

Санкт-Петербург).

Однако основной рефрен высказываний состоял в нацеленности на преодоление проблем:

«Согласно законам Мерфи, если есть прогноз, указывающий на то, что будет плохо, значит, будет еще хуже. Но это «хуже» не означает, что мы должны находиться в панике» (зав. кафедрой в вузе, 65 лет, Казань).

Что касается состояния российской банковской системы, то на момент опроса оно оценивалось большинством респондентов как неудовлетворительное. При этом респонденты исходили не только из оценки условий предоставления депозитов и т.п., но и из оценки участия банковской системы в развитии национальной экономики, ее реального сектора. И именно вследствие такого подхода их общая оценка оказалась в большей степени неудовлетворительной. Применительно к поддержке действий государства по отношению к банкам на фоне разворачивающегося кризиса мнения респондентов разделились ровно пополам. Среди ключевых претензий — безответственность банков как в целом, системно, так и в случаях с конкретными банками. Результатом подобных представлений становится ожидание большинством респондентов потрясений в банковской сфере: либо неизбежных (так полагает большинство опрошенных), либо, как минимум, возможных. При этом 1/5 от числа респондентов полагает, что негативные последствия грядущих потрясений будут умеренными, позволяющими банковской системе справиться с ними без серьезных и долгосрочных побочных эффектов, а половина — что они будут масштабными и окажут значительное негативное воздействие.

С учетом выявленных представлений об экономическом и институциональном контексте, в котором высокодоходным домохозяйствам приходится определять наи-

более рациональную стратегию распоряжения свободными средствами, а также их текущего материального положения (более чем у половины респондентов доходы в 2014 году оставались на прежнем уровне), можно сказать, что избираемые ими модели поведения выглядят достаточно логичными.

Подавляющее большинство респондентов откладывают средства лишь после оплаты текущих расходов. При этом направляемая в сбережения доля месячного дохода варьируется в интервале от 10 до 70%. Манера поведения «сначала откладывать, а потом тратить» характерна для респондентов старше 50 лет, что, по видимому, объясняется не только понятным возрастным консерватизмом, но и отсутствием необходимости решать задачи, стоящие перед молодыми семьями.

В рамках распоряжения свободными средствами сберегательные тенденции заметно преобладают над инвестиционными. Сбережения формируются с целью покупки автомобиля, оплаты обучения, приобретения и ремонта недвижимости, проведения отпуска, развития собственного бизнеса, обеспечения старости. В частности, у более чем половины наших респондентов на ближайшее время запланированы существенные расходы на строительство либо обустройство дома/дачи, оплату образования детей, закупку оборудования для бизнеса, покупку машины и т.п. Что касается такой цели, как «обеспечение старости», то теме пенсионного обеспечения (с выходом на вопросы участия в системе частного пенсионного страхования) в рамках исследования был посвящен отдельный блок. Не имея возможности в данной статье останавливаться на этом подробно, отметим лишь несколько примечательных моментов. Хотя в целом данная группа населения более системно подходит к своему инвестиционно-

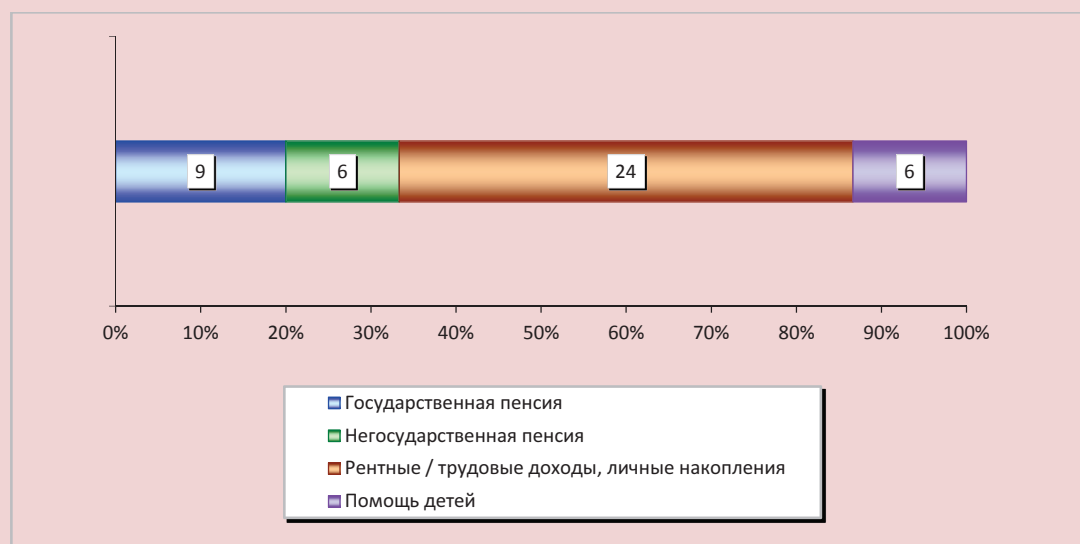
сберегательному поведению, в вопросах пенсионного обеспечения респонденты продемонстрировали как низкую степень информированности, так и низкий уровень доверия к пенсионной системе в целом и к системе добровольного пенсионного страхования в частности (рис. 1). В целом основная часть респондентов намерена опираться в старости на личные накопления, сформированные без помощи пенсионных фондов, а также на самостоятельно организованные источники рентных и прочих подобных доходов. Соответственно, лишь незначительная часть респондентов делает выбор в пользу использования того или иного инструмента, предлагаемого каким-либо субъектом пенсионной системы.

В качестве института хранения обязательной накопительной части большинство респондентов указали государственный Внешэкономбанк. При этом ставшие очевидными провалы обязательной накопительной системы не вызывают у респондентов беспокойства в силу того, что свое

будущее они с государственной пенсионной системой не связывают; в то же время ряд респондентов обратили внимание на заведомую эфемерность в современном мире любой масштабной накопительной системы.

Применительно к инвестированию подавляющее большинство респондентов предпочитает использовать подконтрольные им инструменты, связанные главным образом с вложениями в недвижимость с последующим извлечением рентных доходов, а также с собственным бизнесом. Инвестирование в ПИФы, акции, облигации опрошенные в основном отвергают, поскольку эти инструменты не отвечают их стремлению либо иметь гарантии государства (как в случае с банковском вкладом, застрахованным в системе страхования вкладов), либо контролировать бизнес лично. Инвестиции в металлические счета также непопулярны — здесь негативным фактором выступает волюнтаризм банков при определении внутренней цены на драгметаллы и соответствующие счета.

Рисунок 1. Каким образом Вы планируете обеспечивать себя после выхода на пенсию?*

* Респонденты могли назвать более одного источника.

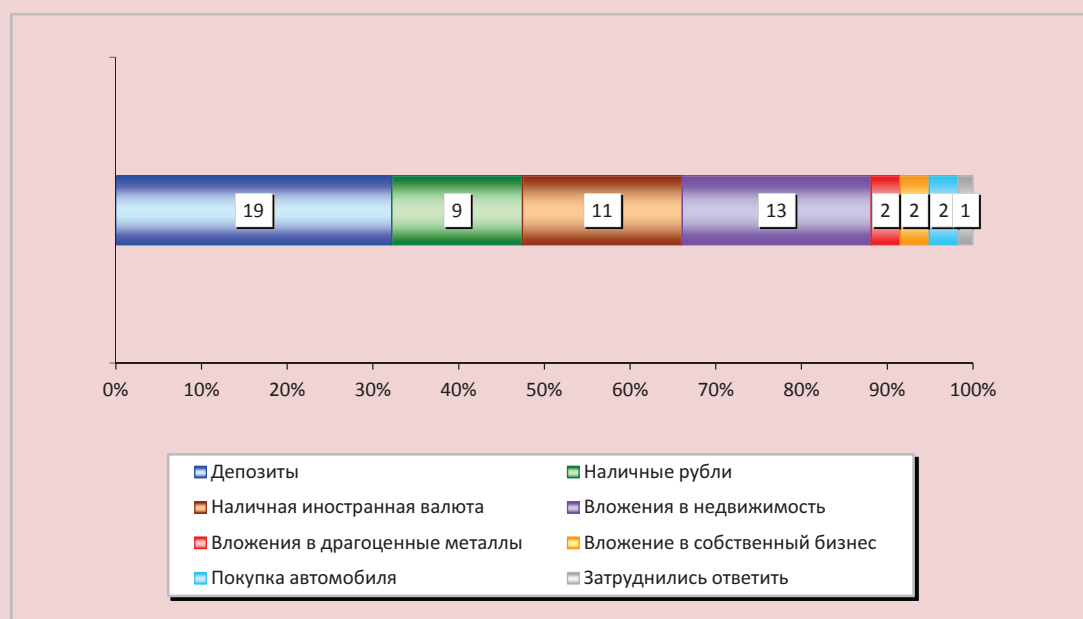
В целом, отвечая на вопрос о предпочтительных формах использования свободных средств (рис. 2), более чем половина респондентов назвали банковские депозиты. Среди мотивов подобного предпочтения назывались: если не сохранение покупательной способности накоплений, то хотя бы минимизация потерь от инфляции; ограничение искушения потратить деньги (особенно актуально для более молодых респондентов); исключение риска утраты средств вследствие кражи и т.п.; удобство оперирования средствами через банковскую карту; долгосрочный характер накопления средств. Второе место заняли вложения в недвижимость, примерно треть опрошенных предпочитает наличные рубли и иностранную валюту, несколько респондентов назвали предпочтительными вложения в собственный бизнес.

На момент опроса подавляющее большинство респондентов предпочитали хранить свои сбережения в российских банках.

Взаимодействие с зарубежными финансово-кредитными учреждениями на фоне западных санкций и в целом ухудшения отношений между Россией и ЕС, по их мнению, сопряжено с серьезными рисками; тем не менее два респондента подчеркнули необходимость диверсификации хранения сбережений по разным юрисдикциям. Две трети опрошенных отдали предпочтение рублевым депозитам, оставшаяся треть имела вклады в валюте и комбинированные депозиты. При этом в любом случае преобладают депозиты, открываемые на один год.

Кризисные явления 2014 года потребовали от респондентов принятия определенных мер для защиты своих сбережений – на это указали около половины респондентов. О том, какими были эти меры, можно судить по распределению ответов на вопрос о наиболее выгодных в настоящее время способах вложения средств: на первом месте оказалась покупка иностранной валюты, затем, в порядке убывания, шли покупка

Рисунок 2. Предпочтительные формы распоряжения свободными средствами*

* Респонденты могли назвать более одной формы сбережений.

недвижимости, открытие вклада в российском банке, покупка золота, аккумулярование наличных рублей.

Извлечены и уроки предшествующих кризисов. Часть респондентов пытается снизить риски, диверсифицируя вклады по разным валютам. Но снижение рисков прежде всего связано с подходом к выбору финансово-кредитного учреждения — предпочтение отдается взаимодействию с крупными банками с государственным участием; если же депозит ради большей процентной ставки открывается в менее крупном и надежном банке (так поступает меньшинство респондентов), то последний обязательно должен входить в систему страхования вкладов, и депозит открывается в пределах застрахованной суммы. Значительная часть респондентов и в случае крупного и, как будто бы, надежного банка старается открывать вклад лишь в рамках страховой суммы, распределяя оставшиеся средства по разным банкам; в то же время нескольким респондентам доводилось открывать вклад, превышающий страховую сумму, при этом они руководствовались надежностью банка (во всех случаях это был «Сбербанк») или желанием быть VIP-клиентом конкретного банка.

Таким образом, по признанию самих респондентов, именно внедрение системы страхования вкладов способствовало росту доверия банковской системе (часть респондентов стала обращать внимание на менее крупные банки). Но — лишь в пределах суммы страхового покрытия. В связи с этим респонденты сошлись во мнении относительно необходимости увеличения суммы страхового покрытия (опрос проходил до принятия соответствующей поправки к закону). При этом одна часть респондентов сосредоточилась на обсуждении конкретного размера суммы, которая должна быть застрахована, — назывались суммы в интер-

вале от 1 до 3 млн. руб. Другие респонденты настаивали на том, что никаких лимитов вообще не должно быть, а государство обязано гарантировать всю сумму, вносимую вкладчиком, и, ссылаясь на опыт западных стран, отмечали, что подобные гарантии значительно увеличили лояльность банковских клиентов и доверие финансовым институтам и системе в целом. Еще ряд респондентов акцентировали внимание на вторичности системы страхования вкладов по отношению к институту личной ответственности руководства банка и сетовали на то, что никаких подвижек в эту сторону на законодательном уровне пока не наблюдается.

В то же время опрос выявил, что, при всей основательности, у многих респондентов имеются информационные лакуны или весьма опасные иллюзии. Так, обнаружилось, что большинство респондентов не осведомлены о сроках возмещения вкладов, при том что в случае форс-мажора с национальной валютой (как это было, например, после объявления дефолта в августе 1998 г.) этот вопрос становится принципиальным. Выяснилось и то, что при открытии вклада респонденты, как правило, не интересуются участием кредитной организации в системе страхования вкладов, полагая, что на вклады физических лиц в определенном объеме система страхования распространяется в любом случае — часть респондентов уверена в том, что сегодня все банки входят в эту систему, другая — в том, что банки, не являющиеся участниками данной системы, не имеют права привлекать средства физических лиц. Подобные заблуждения могут приводить к размещению средств под более высокие процентные ставки в небольших коммерческих банках, не участвующих в системе страхования вкладов, с соответствующими печальными последствиями.

И, наконец, кратко охарактеризуем модели поведения высокодоходных респондентов в сфере кредитования. Имеющийся у большинства респондентов опыт заимствований связан прежде всего с получением ипотечного кредита или займа на развитие бизнеса. Гораздо реже эти респонденты берут кредиты ради приобретения автомобиля и других крупных покупок, причем, если такой кредит и берется, то это происходит не в силу недостатка средств, а из продиктованного расчетом и соображениями выгоды нежелания изымать деньги из бизнеса или снимать средства с депозита. Что касается кредитных карт, которыми представители высокодоходных групп, разумеется, пользуются (для поездок за границу, в случае крупной покупки и т.п.), то, судя по ответам респондентов, они воспринимают их не как кредитные, а как дебетовые с дополнительными небольшими удобствами.

В целом представители данной группы стремятся либо вообще не брать кредитов, либо используют предлагаемые банком продукты очень аккуратно — не попадая в долговую зависимость: если и пользуются кредитной картой именно как кредитной, то исключительно в льготный период, не платя проценты.

Таким образом, исследование позволило выявить настроения, ожидания и установки высокодоходных групп населения в отношении предпочтительных моделей инвестиционно-сберегательного поведения в условиях кризиса и их детерминанты. Задача государства, на которое в ходе интервью то с досадой, то с надеждой ссылались респонденты, — приступить к реализации такой экономической политики, которая направила бы аккумулируемые в обеспеченных домохозяйствах средства в созидательное русло — в инвестиции в национальную экономику.

Литература

1. Авраамова, Е.М. Сберегательные установки россиян / Е.М. Авраамова // *Общественные науки и современность*. — 1998. — №1. — С. 27-40.
2. Авраамова, Е.М. Сбережения населения: перспективы частного инвестирования / Е.М. Авраамова, Л.Н. Овчарова // *Социс*. — 1998. — №1. — С. 62-67.
3. Авраамова, Е.М. Детерминанты финансового поведения населения / Е.М. Авраамова, Ю.В. Бурдастова // *Модернизация экономики России: новые механизмы реализации: Труды XII Чаяновских чтений, 15 марта 2012 г. / под ред. Н.И. Архиповой*. — М.: РГГУ. — 2012.
4. Аликперова, Н.В. Динамика инвестиционно-сберегательной активности населения России / Н.В. Аликперова // *Народонаселение*. — №3. — 2015. — С. 85-92.
5. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на опережающую траекторию развития: доклад / С.Ю. Глазьев. — М.: Ин-т эконом. стратегий, Русский биограф. ин-т, 2015.
6. Кузина, О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) / О.Е. Кузина // *Деньги и кредит*. — 2012. — №1. — С. 68-72.
7. Потребительская модель роста российской экономики исчерпала себя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts/potrebitelskaya-model-rosta-rossiyskoiy-ekonomiki-ischerpala-sebya-20151215-15040/>
8. Радаев В. О сбережениях и сберегательных мотивах российского населения / В. Радаев // *Вопросы социологии*. — 1998. — №8. — С. 45-52.
9. Римашевская, Н.М. Сбережения населения как источник инвестиций / Н.М. Римашевская, И.Е. Дискин // *Экономическая наука современной России*. — 1998. — №2.

10. Россияне отказываются от сбережений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dni.ru/economy/2015/10/22/318460.html>
11. Сбережения населения Российской Федерации: аналит. доклад / науч. рук.: И.Е. Дискин, Н.М. Рима-шевская. – М.: Инфограф, 1997.
12. Секреты личных сбережений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arb.ru/b2b/trends/sekrety_lichnykh_sberezheniy-9884114/
13. Стребков, Д.О. Трансформация сберегательных стратегий населения России / Д.О. Стребков // Вопросы экономики. – 2001. – №10. – С. 97-111.
14. ЦБ снизил оценку оттока капитала из России на 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/12/11/620635-tsb-snizil-otsenku-ottoka-kapitala>
15. Энциклопедия финансового поведения россиян. – М.: НАФИ, 2014.
16. Якорева, А. Настоящая инфляция: как и на чем экономит средний класс [Электронный ресурс] / А. Якорева, А. Воронина. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3>
17. Ярашева, А.В. Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств / А.В. Ярашева, Ю.В. Бурдастова // Народонаселение. – 2013. – №2 (60). – С. 94-102.
18. Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. – NY, 2011. – 499 p.
19. Akerlof, G.A. Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy / G.A. Akerlof, R.J. Shiller. – NY, 2009. – 230 p.

Сведения об авторах

Ольга Аркадьевна Александрова – доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, a762@rambler.ru)

Азиза Викторовна Ярашева – доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, baktiana@rambler.ru)

Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V.

Transformation of Investment and Savings Behavior of High-Income Groups during the Crisis

Ol'ga Arkad'evna Aleksandrova – Research Associate, Lecturer, Doctor of Economics, Institute of Social and Economic Studies of Population of RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, a762@rambler.ru)

Aziza Viktorovna Yarasheva – Research Associate, Lecturer, Doctor of Economics, Professor, RAS Professor Institute of Social and Economic Studies of Population of RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, baktiana@rambler.ru)

Abstract. On the basis of results of the study conducted in several large cities of Russia the article presents key models of investment and savings behavior of high-income groups in the unfolding crisis. It shows the impact on the choice of a particular model of respondents' views about the situation in the banking sector and the economy as a whole, determines the nature of emerging attitudes and expectations. It analyses

well-to-do households' approaches to the choice of a bank and a type of deposit and their willingness to use other ways of investing, including participation in the system of voluntary pension insurance; reflects the experience of borrowing and the attitude to different credit products. Negative phenomena in the economy and the financial sector concern households, invoking parallels with the crises of 1998 and 2008 and even with the era of the 1990s. In the near future the recession is expected to worsen. The respondents, focusing on the effect of sanctions and falling oil prices, believe that it will be short. Other respondents, concerned about the degree of de-industrialization and inefficiency of public administration, predict long economic malaise. The majority of respondents expect disturbances in the banking sector, and half of them believe that they will be wide-scale and will have a significant negative impact on the economy. As before the crisis, this income group prefers to save rather than invest, with investment in real estate or own business being the only exception. The preferred form of savings is ruble deposits in large Russian banks within the limits stipulated by the deposit insurance system.

Key words: economic crisis; banking system; high-income group; savings; investment; deposits; loans; retirement savings.

References

1. Avraamova E.M. Sberogatel'nye ustanovki rossiyan [Savings Attitudes of the Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1998, no. 1, pp. 27-40.
2. Avraamova E.M., Ovcharova L.N. Sberazheniya naseleniya: perspektivy chastnogo investirovaniya [Savings: Prospects for Private Investment]. *Sotsis* [Social Studies], 1998, no. 1, pp. 62-67.
3. Avraamova E.M., Burdastova Yu.V. Determinanty finansovogo povedeniya naseleniya [Determinants of Financial Behavior of Population]. *Modernizatsiya ekonomiki Rossii: novye mekhanizmy realizatsii: Trudy XII Chayanovskikh chtenii, 15 marta 2012 g.* [Modernization of Economy of Russia: New Mechanisms of Implementation: Proceedings of the XII Chayanovskii Readings, March 15, 2012]. Under editorship of N.I. Arkhipova. Moscow: RGGU. 2012.
4. Alikperova N.V. Dinamika investitsionno-sberogatel'noi aktivnosti naseleniya Rossii [Dynamics of Investment and Savings Activity of the Population of Russia]. *Narodonaselenie* [Population], no. 3, 2015, pp. 85-92.
5. Glazyev S.Yu. *O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na operezhayushchuyu traektoriyu razvitiya: doklad* [On Urgent Measures on Strengthening the Economic Security of Russia and the Russian Economy's Entering a Forward Development Trajectory: Report]. Moscow: In-t ekonom. strategii, Russkii biograf. in-t, 2015.
6. Kuzina O.E. Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy) [Financial Literacy of Russians (Dynamics and Perspectives)]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2012, no. 1, pp. 68-72.
7. *Potrebitel'skaya model' rosta rossiiskoi ekonomiki ischerpala sebya* [Consumer Growth Model of the Russian Economy has Exhausted Itself]. Available at: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts/potrebitelskaya-model-rosta-rossiiskoiy-ekonomiki-ischerpala-sebya-20151215-15040/>
8. Radaev V.O. sberezheniyakh i sberogatel'nykh motivakh rossiiskogo naseleniya [About Savings and Savings Motives of the Russian Population]. *Voprosy sotsiologii* [Sociological Issues], 1998, no. 8, pp. 45-52.
9. Rimashevskaya N.M., Diskin I.E. Sberazheniya naseleniya kak istochnik investitsii [Savings as a Source of Investment]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 1998, no. 2.
10. *Rossiiane otказыvayutsya ot sberezhenii* [Russians Refuse Savings]. Available at: <http://www.dni.ru/economy/2015/10/22/318460.html>
11. *Sberazheniya naseleniya Rossiiskoi Federatsii: analit. doklad* [Savings of the Population of the Russian Federation: Analytical Report]. Scientific supervisors I.E. Diskin, N.M. Rimashevskaya. Moscow: Infograf, 1997.
12. *Sekrety lichnykh sberezhenii* [Secrets of Personal Savings]. Available at: http://arb.ru/b2b/trends/sekrety_lichnykh_sberezheniy-9884114/

13. Strebkov D.O. Transformatsiya sberegatel'nykh strategii naseleniya Rossii [Transformation of Savings Strategies of Russian Population]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2001, no. 10, pp. 97-111.
14. *TsB snizil otsenku ottoka kapitala iz Rossii na 2015 god* [Central Bank Reduced the Estimate of Capital Outflow from Russia in 2015]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/12/11/620635-tsb-snizil-otsenku-ottoka-kapitala>
15. *Entsiklopediya finansovogo povedeniya rossiyan* [Encyclopedia of Financial Behavior of the Russians]. Moscow: NAFI, 2014.
16. Yakoreva A., Voronina A. *Nastoyashchaya inflyatsiya: kak i na chem ekonomit srednii klass* [Real Inflation: how and where the Middle Class Saves]. Available at: <http://www.rbc.ru/research/money/28/01/2016/56a77c339a79476feacd01b3>
17. Yarasheva A.V., Burdastova Yu.V. Sberagatel'nye i kreditnye strategii domokhozyaistv [Savings and Credit Strategies of Households]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 2 (60), pp. 94-102.
18. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, 2011. 499 p.
19. Akerlof G.A., Shiller R.J. *Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy*. New York, 2009. 230 p.